

НЕНОРМАЛЬНАЯ СТРАНА*

Стивен Розефилд**

Резюме

Андрей Шлейфер и Даниель Трейсман недавно вынесли вердикт о результатах постсоветского переходного периода, обнаружив, что с помощью Запада Россия превратилась в нормальную страну, которая будет проводить дальнейшую либерализацию и развиваться так же, как и другие подобные успешные страны. В данной статье доказывается ошибочность этого мнения. На основе реальных фактов и с использованием подходов, разработанных Парето, Эрроу и Бергсоном, в ней показывается, что в политико-экономическом плане Россия является ненормальной страной и что в обозримом будущем она вряд ли проведет демократизацию, вестернизацию или изберет путь развития свободного предпринимательства.

Классификация JEL: P30, P40, P51, P52

Ключевые слова: Россия, переходный период, благосостояние

Панглос*** преподавал метафизико-теолого-космогонигологию. Он замечательно доказывал, что не бывает следствия без причины и что в этом лучшем из возможных миров замок владетельного барона – прекраснейший из возможных замков, а госпожа баронесса – лучшая из возможных баронесс. «Доказано, – говорил он, – что все таково, каким должно быть; так как все создано сообразно цели, то все необходимо и создано для наилучшей цели. Следовательно, те, кто утверждают, что все хорошо, говорят глупость – нужно говорить, что все к лучшему».

Вольтер

Андрей Шлейфер и Даниель Трейсман попытались переписать историю с использованием метафизико-теолого-космогонигологии, банального детерминистского гамбита (Shleifer, Treisman (2004)). Они заглянули России в душу и обнаружили, что, благодаря советам стран Большой семерки, Ельцин и Путин практически все сделали правильно. Спустя тысячелетие неизменных неудач Россия, наконец, стала «нормальной страной»,

* Rosefielde, S. (2004) An Abnormal Country, *BOFIT Discussion Paper*, 15.

© Rosefielde, 2004

** Профессор Университета Северной Каролины (г. Чапел Хилл, США), e-mail: stevenr@email.unc.edu. Взгляды, выраженные в статье, принадлежат исключительно автору и необязательно отражают взгляды Банка Финляндии.

*** Наставник Панглос – персонаж философской повести Вольтера «Кандид, или оптимизм», который всегда смотрел на мир сквозь розовые очки. См. Вольтер (1997) *Избранные сочинения*, Москва, Рипол Классик. – *Прим. перев.*

но все же далекой от совершенства. Подобная ложь достойна Панглоса.¹ Возможно, в следующий раз они попытаются убедить нас в том, что поскольку все в России хорошо, то все к лучшему!

В то время как серьезные ученые и аналитики утверждают, что зачатки демократии в России оказались под угрозой (Tenet (2004)), в особенности после того, как государство вновь установило контроль над средствами массовой информации, а спецслужбы (в частности ФСБ) стали играть доминирующую роль в стране², Шлейфер и Трейсман сообщают нам, что

¹ Шлапенток также связывает анализ Шлейфера и Трейсмана со взглядами Панглоса. См. Shlapentokh (2004). Лоуренс Саммерс и Стэнли Фишер высказали взгляды, аналогичные взглядам Шлейфера и Трейсмана, на собрании Американской экономической ассоциации 4 января 2003 г. Джон Одлинг-Сми, директор II-го Европейского департамента Международного валютного фонда в период 1992–2003 гг., разделяет их точку зрения. См. также Fischer, Sahay (2004).

² См. также Ostrovsky (2004). Дональд Рэйфилд напоминает нам, что Россией «правит человек, который исходя из прежней профессиональной деятельности и выбора является премьерником Ягоды и Берии», а нынешняя ФСБ «в альянсе с бандитами и взяточниками захватила командные высоты государственной власти и экономическое богатство страны и продолжает лгать гражданам, прибегая при необходимости к убийствам для достижения своих целей». См. Montefiore (2004a). См. также Montefiore (2004b): «Владимир Путин, который сегодня без проблем может быть вновь избран президентом России, никогда не намеревался становиться либеральным демократическим политиком западного толка, как бы мы этого ни хотели. По сути, он является российским лидером, имеющим весьма традиционные намерения и интересы, и пока Запад не осознал этого, его действия по-прежнему будут вызывать разочарование и вести к болезненному крушению надежд». «Либеральный лидер-реформатор России – это Святой Грааль кремлинологии. Однако его поиск ведется не в том направлении, и это столь же безнадежное занятие, что и поиск следов Тайной вечери. Этому можно верить или нет, но в 1930-е гг. некоторые западные аналитики настаивали на том, что Сталин был “умеренным” политиком, находившимся под контролем экстремистов, таких как народный комиссар внутренних дел Николай Ежов. Впоследствии большие надежды связывались с Хрущевым, который разоблачил культ личности Сталина и положил конец террору 1950-х гг. Однако в сферу его реальных интересов входило укрепление личной власти, консолидация государства и проведение политики марксизма-ленинизма. Михаил Горбачев был реформатором, но не либеральным – его действительное желание заключалось в том, чтобы реформировать марксизм-ленинизм, не отказываясь от него». Кроме того, прозападная ориентация России является более шаткой, чем это признают Шлейфер и Трейсман. В одной из последних статей в коммунистической газете «Правда» легко увидеть, что старые взгляды по-прежнему имеют место: «На Западе в течение нескольких последних недель развернулась масштабная кампания по нагнетанию антироссийской истерии. В американских и европейских средствах массовой информации Россия представляется как новая империя зла, где “правит бал государственный террор, нарушаются права человека, преследуются бизнесмены и царит атмосфера тотального страха перед властями”. Основная задача новой кампании в средствах массовой информации – делегитимизовать в глазах аудитории президента России Владимира Путина». За этой преамбулой следуют оскорбительные выпады в духе советского времени и утверждение о том, что российская форма общественно-государственного устройства отличается от западной и является более предпочтительной. В статье также приводятся слова Александра Собянина (руководителя Исследовательской группы «Памир–Урал». – *Прим. перев.*), который утверждает, что конфликт между Россией и Западом неизбежен, поскольку россияне являются благородными коллективистами, тогда как жители Запада – порочные самовлюбленные люди. См. Chernov (2004).

в России «произошло превращение коммунистической диктатуры в многопартийную демократию, в рамках которой руководство страны избирается в ходе регулярных выборов». В условиях растущего беспокойства относительно намерений России оставить войска в Приднестровье на неопределенное время, восстановить гегемонию в Содружестве независимых государств и начать масштабную модернизацию вооружений (Rosefielde (2005)), они напоминают нам, что «Россия осуществила мирный вывод своих войск из стран Восточной Европы и бывших республик Советского Союза (где Россия стоит во главе вооруженных сил СНГ), позволив последним обрести статус независимых государств».

В то время как Россия усердно разрабатывает новые баллистические ракеты, способные преодолеть национальную систему противоракетной обороны США³, и держит на вооружении 40000 ядерных ракет с возможностью перенацеливания в полете (даже больше с учетом простой замены ядерных зарядов), указанные авторы обнаруживают «партнера, готового к сотрудничеству по вопросам разоружения, борьбы с терроризмом и прекращения гражданских войн».

В то время как Россия по-прежнему находится в состоянии глубокого спада (по официальным данным, ВВП приблизительно на 25% меньше уровня 1989 г. (United Nations (2003)), когда за период 1990–1998 гг. уровень смертности превысил уровень рождаемости на 3.4 млн человек (Rosefielde (2001)), когда на протяжении 1990-х гг. безработица была близка к 25% (Rosefielde (2000))⁴), когда значительная часть «виртуальной» экономики служит интересам узкого круга олигархов и клептократов, они восторгаются тем, что российскую «централизованную плановую экономику сменил капиталистический порядок, основанный на рыночных отношениях и частной собственности». Шлейфер и Трейсман потчуют нас заявлением о том, что «несмотря на то что сразу после развала Советского Союза экономические показатели упали, правдоподобные оценки показывают, что к 2003 г. спад был преодолен». Никакие данные не указывают на это – ни данные Госкомстата, ни данные каких-либо международных организаций. Все утверждения Шлейфера и Трейсмана лишь кажутся правдоподобными.⁵

³ Гаравский (2004). К 2010 г. российские войска получают на вооружение новые ракеты с разделяющимися боеголовками, которые будут действовать наподобие роя пчел, что позволит преодолеть американскую систему противоракетной обороны.

⁴ Rosefielde (2000). В конце 2003 г. 8.6% экономически активного населения России (6.2 млн человек) были безработными. Рабочая сила составляла 65.2 млн человек. Корректировка уровня безработицы с учетом отчаявшихся работников дает показатель числа безработных свыше 10 млн человек.

⁵ Шлейфер и Трейсман используют в качестве точки отсчета 1991 г., игнорируя падение объемов производства на 7.8% в период 1989–1991 гг., когда в России начался глубокий спад. По их расчетам, в 1991–2003 гг. ВВП сократился на 19%. Для сравнения, во время Великой депрессии 1929–1933 гг. американский ВВП сократился на 27.5%. Представьте, каким было бы отношение к помощникам Рузвельта, если бы они заявили, что последствия спада в Америке были полностью преодолены к 1936 г. и что это можно доказать с

С учетом всех этих достижений и забывая о том, что после 1953 г. большинство западных специалистов считали Советский Союз нормальной страной, они глубокомысленно заявляют, что «такое преобразование России, по-видимому, следует только приветствовать», поскольку она стала нормальной страной.⁶ Точно так же, как и Шлейфер⁷, на этом упорно

помощью их «правдоподобных» оценок. См. United Nations (2003) и последние официальные данные. Это не первый случай, когда те, кто был вовлечен в программы помощи России стран Большой семерки, пытались отрицать серьезность глубокого спада в Российской Федерации. См. Kubonîwa, Gavrilënov (1997). Более того, в 1995 г. Госкомстат и Всемирный банк, исходя из неадекватных предположений и допустив грубые ошибки в расчетах, пересмотрели ВВП Советского Союза в сторону повышения приблизительно на 10%. После того как Розефилд скорректировал расчеты и уведомил об этом Всемирный банк, ошибки исправлены не были. См. Госкомстат России (1995).

⁶ Aslund (1997). См. также Maly (2002; 2004). Владимир Шлапенток, ссылаясь на свои статьи (Shlapentokh (1996; 1997a; 1997b), утверждает, что он первым использовал выражение «нормальная страна». См. Shlapentokh (2004).

⁷ В период с 1992 по 1997 гг. Шлейфер возглавлял (ныне несуществующий) проект по реформированию российской экономики Института международного развития при Гарвардском университете. Шлейфер (вместе с директором Московского представительства проекта Джонатаном Хэем) распоряжался практически всем портфелем экономической помощи США России – более чем 350 млн долл. – в дополнение к 40 млн долл., которые были выделены непосредственно на финансирование проекта. Данный портфель предполагал проведение в России приватизации, судебной реформы, создание рынков капитала и комиссии по ценным бумагам. Шлейфер был не просто советником. Вместе с Хэем он готовил указы на подпись президенту Борису Ельцину и участвовал в принятии некоторых важнейших решений по приватизации. Он самым тесным образом был вовлечен в разработку и осуществление программы ваучерной приватизации (Агентство США по международному развитию выделило 58 млн долл. на финансирование этой деятельности, а также на поддержку данной программы). См. Wedel (2001), Chapter 4 и более новую информацию, предоставленную Жанин Ведель 9 марта 2004 г. В 1996 г. Управление общей бухгалтерской отчетности США, государственный орган, осуществляющий контроль за целевым расходованием денежных средств, пришло к выводу, что Гарвардский университет «в значительной степени контролировал осуществление программы помощи США». См. GAO (1996), 3. (Кроме того, как утверждается, Шлейфер, Хэй и Гарвардский университет ввели в заблуждение работающую в России американскую фирму, занимающуюся осуществлением инвестиций на паевой основе. Публично отвергнув эти утверждения, Гарвардский университет мирно решил этот вопрос, избежав суда.) В иске компании «Fogum Financial Group of Portland» (штат Мэн) утверждается, что Хэй и Шлейфер использовали личные связи с российскими чиновниками с целью получения разрешения для компании создать в стране первый паевой инвестиционный фонд. Затем они вынудили владельца компании продать свою долю в фонде. Когда осенью 2000 г. компания «Fogum» подала иск в суд, представитель Гарвардского университета Джо Врин назвал ее претензии «необоснованными». Несмотря на это, два года спустя Гарвардский университет и два обвиняемых его сотрудника мирно решили этот вопрос с компанией, при этом отрицая какие-либо правонарушения со стороны университета или обвиняемых. См., например, Gellis (2002a; 2002b). Информация предоставлена Жанин Ведель 9 марта 2004 г. Blasi et al. (1997). См. также Blanchard et al. (1993); Shleifer, Vishny (2000); Shleifer, Treisman (2000); Boone, Gomulka, and Layard (eds) (1998). См. также Rosefield, Vennikova (2004). 29 июня 2004 г. Шлейфер был признан виновным по двум пунктам обвинения и может быть также привлечен к суду еще по одному делу. См. Bombardieri (2004). Было установлено, что Шлейфер и Хэй нарушили Закон о ложных правопритязаниях, что может повлечь за

настаивали начиная с 1995 г., когда Андерс Ослунд впервые открыл миру тот факт, что Россия стала капиталистической страной с рыночной экономикой (Aslund (1995)), Всемирный банк, Международный валютный фонд и Европейский банк реконструкции и развития. Эта идея – всего лишь перефразированное высказывание сторонников Вашингтонского консенсуса 1997 г.⁸, слегка измененное с целью усиления эмоционального воздействия утверждения, что социалисты и неоконсерваторы перекричали реалистов.

Далее Шлейфер и Трейсман продолжают подкреплять свою гипотезу доказательствами, используя официальные экономические данные, во многом аналогично тому, как это делало ЦРУ во время холодной войны, когда оно не смогло предсказать надвигающийся развал Советского Союза.⁹ Несмотря на то что ЦРУ замечало следы гораздо более искусно, чем Шлейфер и Трейсман (Rosefield (2003; 2004; 2005)), их методы совпадают: скорректировать соответствующим образом статистику и затем провести ошибочные аналогии с тем, чтобы показать, что предполагаемое поведение доказывает «нормальность». Заявление Шлейфера и Трейсмана о том, что российский ВВП достиг уровня 1991 г., иллюстрирует первый метод, а сопоставления с Аргентиной (1991 г.) и Мексикой (1999 г.) служат примером второго. От нас ожидают признания того, что «нормальные» Аргентина и Мексика являются подходящей точкой отсчета для оценки «нормальности» России, поскольку эти страны являются «странами со средним уровнем доходов», имея ВВП на душу населения около 8000 долл. (по паритету покупательной способности). Но при этом не упоминается, что по оценкам бывшего заместителя директора Госкомстата Алексея Пономаренко данный показатель ближе к 5000 долл., а показатель, рассчитанный ЦРУ в текущих ценах, превышает 20000 долл.¹⁰ Оценки на основе паритета покупательной способности весьма чувствительны к используемым предпосылкам и меняются в зависимости от колебаний политической конъюнктуры. Их достоверность в значительной степени зависит от оценок качества российских услуг и советских неэкспортируемых товаров для внутреннего пользования. Если нужно, чтобы Советский

с собой обязательство возместить государству ущерб в размере 102 млн долл. каждым из них. (Согласно данному закону лица, признанные виновными в махинациях с государственными средствами, обязаны возместить государству ущерб в тройном размере и выплатить штраф в 5500–11000 долл. – *Прим. перев.*)

⁸ В рамках Вашингтонского консенсуса макроэкономическая политика рассматривается узко – как предполагающая установление финансовой дисциплины, тогда как необходимость развития свободного предпринимательства и демократического принятия решений трактуется более широко. Williamson (1989; 1993; 2002).

⁹ ЦРУ и многие советологи по-прежнему это отрицают. См. Berkowitz et al. (1993); Firth, Noren (1998).

¹⁰ Rosefield (1998), xxii–xxiii, Table 1; CIA (1992), 25, 39, Tables 7 and 21. По оценкам ЦРУ, в 1989 г. ВВП на душу населения России составлял 15631 долл. в ценах 1991 г. По оценкам Пономаренко, в 1995 г., когда объемы производства были на 22% меньше уровня 2003 г., этот показатель равнялся 3750 долл.

Союз или Россия выглядели хорошо, достаточно просто предположить, что покрывшиеся ржавчиной товары и услуги низкого качества соответствуют мировым стандартам. Панглос оценил бы эту шутку. Советские товары и услуги, производимые в нынешней «виртуальной экономике»¹¹, как ее изображают Клиффорд Гадди и Барри Икес (Gaddy, Ickes (2002)), соответствуют всем мировым стандартам, если не упоминать о 23% российского ВВП, по которым, что подтверждают Пономаренко и академик Валерий Макаров, Госкомстат не имеет данных. Эти товары и услуги не имеют аналогов лишь потому, что российская система является ненормальной. Но, как говорит Панглос, если то, что есть – хорошо и это к лучшему, а это лучшее соответствует мировым стандартам, тогда, конечно же, экономические показатели России сопоставимы с Аргентиной и Мексикой, и все три страны являются «нормальными», как и другие «капиталистические» страны. Данное мнение, с которым нам необязательно знакомиться, справедливо даже вопреки тому, что Шлейфер и Трейсман признают, что «в странах с подобным уровнем доходов демократия далека от совершенства: правительства этих стран страдают от коррупции, судебная система является политизированной, а пресса практически никогда не бывает полностью независимой. Для большинства стран характерны также существенное неравенство распределения доходов, концентрация корпоративной собственности и изменчивость макроэкономических показателей. В этом плане Россия является вполне нормальной страной». Нормальными являются не только достоинства России, но также и ее недостатки!¹²

Шлейфер и Трейсман допускают, что товары, производившиеся в советское время, были низкого качества. Они не смогли бы доказать обратное, но, тем не менее, по-прежнему продолжают говорить о капиталистическом чуде. Однако в отличие от Гадди и Икеса они настаивают на том, что вчерашние товары низкого качества к сегодняшнему дню уже превратились в высококачественные товары, несмотря на то что инвестиции в данные секторы экономики были незначительными. Это позволяет им утверждать, как и в начале 1990-х гг., что Госкомстат преувеличил глубину спада в России, поскольку вооружения и низкокачественные товары, производство которых сократилось, не имели никакой ценности, вопреки

¹¹ Термином «виртуальная экономика» обозначаются прежние производственные отношения советского периода, продолжающие существовать в основе видимой части рыночной экономики. Данный термин относится к большинству отраслей промышленности, сельского хозяйства и сферы коммунальных услуг. Другим важным последствием «виртуальной экономики» является то, что официальная статистика дает слишком радужную картину функционирования российской экономики.

¹² Матвей Малый, также отмечая абсурдность подобного подхода, говорит, что Шлейфер и Трейсман определяют «нормальность» как «любое состояние, в котором должна находиться страна, соответствующее нашим ожиданиям». См. Maly (2004). См. также Dolan (2004a). Шлапенток называет Россию «нормальной», но использует данное выражение для того, чтобы показать, что российское общество в том виде, в каком оно сформировалось в 1991–1994 гг., способно функционировать и воспроизводить себя в течение неопределенного периода времени. См. Shlapentokh (2004).

репутации России как второго по величине экспортера вооружений в мире. Некоторые их коллеги – приверженцы взглядов Панглоса – даже заявляли, что при производстве советских товаров стоимость на самом деле не добавлялась, а отнималась¹³, так что, чем глубже спад, тем лучше результат.

Кроме того, бесосновательно утверждается, что глубина спада в России преувеличена за счет завышения показателей коммунистического периода и их занижения впоследствии. Неужели Шлейфер и Трейсман действительно полагают, что Генеральный штаб потерпел бы подобное злоупотребление в военно-промышленном комплексе? Было бы забавно посмотреть на их попытки доказать это. Поскольку, по оценкам Виталия Шлыкова (бывшего заместителя председателя Совета безопасности России) и академика Юрия Яременко (который проверял данные для Политбюро), в конце 1980-х гг. расходы на оборону составляли 30% от ВВП, то фальсификация цифр в военном секторе играет серьезную роль. Шлейфер и Трейсман также не учитывают того, что Госкомстат делал поправки на некоторые из этих мнимых искажений. Они упускают из виду производство во «второй экономике», которое в советское время не включалось в суммарный объем производства, а также используют потребление электроэнергии в качестве адекватного показателя экономической активности, несмотря на то что им должно быть известно, что оно таковым не является, поскольку на протяжении большей части 1990-х гг. промышленность практически ничего не платила за потребление электроэнергии.¹⁴ Те же недостатки имеют и другие использовавшиеся ими методики расчета. Кроме того, Шлейферу и Трейсману не удалось серьезно рассмотреть проблемы замещения и относительности показателей, обусловленные дерегулированием цен. Они приводят лишь те доказательства, которые заведомо не выдерживают критики. Кроме того, новичкам следует знать, что советская статистика всегда была противоречивой и ненадежной и всегда преувеличивала масштабы потребления. С учетом того что на протяжении 1990-х гг. Россия страдала от массовой вынужденной безработицы, на основании лишь номинальных официальных данных, по-видимому, следовало бы догадаться, что сообщения о хорошей жизни сильно преувеличены.

¹³ Добавленная стоимость – это стоимость, добавляемая первичными факторами производства к стоимости сырья и материалов. Утверждение о том, что стоимость не добавляется, а отнимается, означает, что процесс обработки ведет к снижению ценности сырья и материалов. В течение советского периода это иногда имело место, но масштабы были небольшими. В 1990-е гг. был непродолжительный период, когда стало модным связывать снижение реальной стоимости с различиями во вкусах потребителей. Руководители советских предприятий желали производить и производили товары с характеристиками, которые не ценятся жителями Запада, но это не означало, что процесс обработки сырья и материалов вел к снижению величины функции общественной полезности.

¹⁴ Академик Валерий Макаров, директор Центрального экономико-математического института, отмечал десятилетие назад, что электроэнергия является незначительным фактором промышленного производства и не может служить адекватным показателем экономической активности.

Еще один довод, который выдвигают Шлейфер и Трейсман и сами же его опровергают, касается объяснения причин глубокого спада в России их критиками. По мнению Шлейфера и Трейсмана, причинами спада явились не скандальная схема «Кредиты в обмен на акции» и, соответственно, не сам Шлейфер, который рекомендовал проведение приватизации по принципу «ничего не спрашивайте и ничего не говорите»¹⁵, и не излишняя поспешность (шоковая терапия, а не градуализм)¹⁶, поскольку неадекватный индекс потребления электроэнергии показывает, что падение началось до 1994 г. И даже если они в чем-либо ошиблись, и расхищение государственной собственности сыграло определенную роль, Шлейфер и Трейсман не видят в этом ничего плохого, настаивая на том, что клептократическая приватизация носила конструктивный характер, поскольку значительная часть падения объемов производства пришлась на вооружения и потребительские «антиблага», производившиеся в советский период.¹⁷ Более того, они заявляют, что глубокий спад – это миф. Постсоветский спад совокупного производства был всего лишь «рецессией», которая, согласно определению Национального бюро экономических исследований, представляет собой незначительное сокращение валового внутреннего продукта, не превышающее нескольких процентов и продолжающееся по меньшей мере шесть месяцев, за которым следует быстрое восстановление экономики.¹⁸ В России рецессия началась в 1989 г., так что, используя их концептуальную терминологию, она должна была закончиться до развала Советского Союза. И, конечно же, превышение уровнем смертности уровня рождаемости на 3,4 млн человек, зафиксированное в период 1990–1998 гг., не могло быть обусловлено глубоким спадом, который никогда не имел места. Эти несчастные, должно быть, умерли вследствие умеренной рецессии.

Помимо этих серьезных проблем следует также принять к сведению, что ни один серьезный критик неадекватности подхода стран Большой семерки к трансформации в России с макроэкономической точки зрения никогда не связывал глубокий спад в экономике со скандалом, вызванным реализацией схемы «Кредиты в обмен на акции». «Стихийная» привати-

¹⁵ Wedel (2000a); Sachs et al. (2000). См. также Wedel (1998).

¹⁶ О криминальном аспекте участия Шлейфера в осуществлении реформ в России см. сноску 7.

¹⁷ Wedel (2001). Сравнение Шлейфером и Трейсмано́м России с Украиной может ввести в заблуждение. Они берут свои нужным образом скорректированные данные о доходе на душу населения в России и сравнивают их с официальными украинскими данными. Если бы они не смешивали яблоки с апельсинами, то не существовало бы никаких заметных отличий.

¹⁸ По их мнению, основной причиной рецессии является «временный беспорядок, с которым столкнулись все страны при распаде плановой системы». Очевидно, они не знают, что стабильность советской системы обеспечивалась также путем гарантированных закупок и контрактов, что делало выгодным для руководителей предприятий функционирование в условиях полной занятости, даже если план этого и не требовал.

зация 1988–1991 гг. при Горбачеве, вероятно, лишь положила начало данному процессу, который вскоре после этого усилился вследствие коррумпированной «ваучерной приватизации» при содействии Шлейфера и финансовой поддержке Агентства США по международному развитию. Однако основной причиной спада явилось аннулирование весной 1992 г. администрацией президента Ельцина большинства государственных контрактов в духе «шоковой терапии». До совершения государством этой грубой ошибки предприятия были уверены в сбыте продукции, а значит, в компенсации расходов за счет гарантированных продаж. Внезапно и без предупреждения они остались без заказов и кредитов, с никому не нужной продукцией. Предприятия – не метеорологи, чтобы знать, в каком направлении дует ветер. Если бы правительство США аннулировало все свои контракты без выплаты какой-либо компенсации, то это привело бы к серьезному спаду, несмотря на высокую эффективность рыночной экономики страны.

Аналогичным образом Шлейфер и Трейсман уклоняются от ответственности за дестабилизирующие последствия «помощи», которую они предоставили России по поручению правительства США, возлагая вину за российский экономический спад 1998 г. на азиатский финансовый кризис. Как сказал бы Джон Кеннет Гэлбрейт, они слишком сильно верят в то, что Азия «сломила прогнившую дверь» России. Финансовый крах в России многие предсказывали еще за полгода до того, как он произошел, безотносительно к каким-либо событиям в Азии, а Джозеф Стиглиц настаивает на том, что он был вызван, а не ликвидирован, плохими советами МВФ (Rutherford (2000), 386; Stiglitz (2002)).

Более того, Шлейфер и Трейсман уверяют нас в том, что ни передача наиболее ценных российских активов, принадлежавших народу, небольшой группе коррумпированных олигархов, красных директоров, клептократов и мошенников, использовавших для своего обогащения ваучерную приватизацию, ни массовая вынужденная безработица (с учетом «отчаявшихся работников») не были причинами резкого увеличения коэффициента Джини в России – с 0.26 в 1991 г. до 0.41 в 1994 г., поскольку приватизация была проведена позднее. Но стихийная приватизация началась еще при Горбачеве где-то в 1988 г., а безработица значительно превышала уровень, указанный в отчетах Госкомстата, что подтверждает ошибочность утверждения Шлейфера и Трейсмана. Нельзя также доверять сведениям о динамике коэффициента Джини после 1994 г., поскольку даже Шлейфер и Трейсман признают факт резкого увеличения безработицы в этот период, а также продолжающийся вплоть до настоящего времени захват активов олигархами и другими индивидами. Аналогичным образом, можно считать полным вздором вывод Бранко Милановича о том, что 77% прироста показателя неравенства в России обусловлено повышением значимости устанавливаемой конкурентным путем заработной платы. Исследование Всемирного банка «Преобразования в интере-

сах каждого: бедность и неравенство в странах Европы и Центральной Азии 2000» продемонстрировало прямо противоположный результат. Рост надбавок за более высокий уровень образования и увеличение разброса заработной платы объясняют лишь весьма незначительную часть прироста показателя неравенства. Причины существенного увеличения неравенства кроются в «широком распространении коррупции и рендоориентированного поведения, в захвате государства группами с особыми интересами и вытекающем отсюда сужении возможностей легального получения высокой заработной платы и другого дохода. Люди, за исключением некоторых лиц, находящихся в привилегированном положении, в значительной степени лишились шансов сменить низкооплачиваемую работу» (Dolan (2004b)).

Шлейфер и Трейсман не стесняются выступать в защиту «блатного капитализма» и «олигархии», уверяя нас в том, что те, кто расхищал богатство страны, трансформировались в предпринимателей мирового класса, наподобие Джона Д. Рокфеллера и Дж.П. Моргана. Их не пугают утверждения о широком распространении коррупции, поскольку опросы Всемирного банка и Европейского банка реконструкции и развития, на которые они ссылаются, показывают, что Россия находится «прямо посередине выборки посткоммунистических стран» по показателям «бремя взяточничества» и «захват государства». Таким образом, мы получаем хороших преступников и нормальную преступность! Может быть, нам следует поблагодарить российских рокфеллеров за предотвращение глубокого спада и необоснованного увеличения неравенства распределения доходов, а также за любезное убийство миллионов людей?

Но самое главное Шлейфер и Трейсман приберегают напоследок. Вопреки мнению большинства экспертов и российских правозащитников¹⁹, они утверждают, что Россию несправедливо обвиняют в авторитаризме: «Российская политика является одной из самых демократичных в регионе. В то же время недостатки демократии в стране схожи с теми, которые можно обнаружить во многих других странах со средним уровнем дохода на душу населения». Поскольку Сталин не сильно отличался от Гитлера, Муссолини, Франко и Хирохито, то, следуя их логике, Советский Союз был «нормальной» страной, «одной из самых демократичных в регионе», и это подтверждается в случае постсоветской России частым проведением справедливых выборов. Никогда Пангос не терпел подобного поражения. Их даже не смущает предостережение «Standard & Poor's», что иностранные бизнесмены могут подвергнуться преследованиям со стороны российских авторитарных властей (Fak (2004)), и не убеждает прямо противополо-

---

¹⁹ Сергей Ковалев, легендарный правозащитник, который десять лет провел в ГУЛАГе, недавно написал: «Оказалось, что спустя тринадцать лет после распада Советского Союза общество не нуждается в демократии». См. Badkhen (2004). См. также Blank (2004).

ложная оценка Григория Явлинского: «Система, существующая у нас в России, имеет шесть особенностей. Нет независимой судебной системы, независимого парламента, независимых средств массовой информации. Не существует парламентского и общественного контроля над спецслужбами и правительственными учреждениями. Значительным остается административный ресурс во время выборов (использование административных средств с целью оказания влияния на результаты выборов), особенно, когда они проходят в регионах. И, наконец – полное слияние бизнеса с властью» (Yavlinsky (2004)). Неадекватная характеристика Шлейфера и Трейсмана посткоммунистической России как «нормальной» страны со средним уровнем дохода на душу населения звучит громко, но при этом не означает практически ничего. Тем не менее их статья поднимает важнейшую проблему современных критериев доказательности. Они являются не первыми и не последними советниками по вопросам экономической политики, которые используют растяжимые понятия²⁰ и манипулируют данными с тем, чтобы создать иллюзию успеха там, где в реальности имеет место провал, и тем самым скрыть свои прегрешения. Могут ли ученые предложить что-нибудь лучшее?

Конечно же, могут. Основные подходы более полувека назад разработали Вильфредо Парето, Абрам Бергсон и Кеннет Эрроу, опираясь на просветительскую доктрину Адама Смита (Bergson (1938; 1948; 1954; 1966; 1967; 1976); Samuelson (1977; 1981); Arrow (1963; 1981)). «Хорошее» общество, которое Самуэль Хантингтон ассоциирует с «идеей Запада» (Huntington (1996)), – это эффективное общество, базирующееся на суверенитете потребителя в отношении как частных, так и общественных благ. Под эффективностью здесь понимается эффективность по Парето. Это означает, что, в рамках заключаемого на добровольной основе общественного договора по Локку и соответствующих справедливых правил игры, индивиды, способные рационально упорядочить свои предпочтения и действовать в соответствии с ними, будут использовать все возможности в сфере образования, обучения, занятости, предпринимательства, финансов, производства и распределения с тем, чтобы максимизировать свою полезность, без какого-либо принуждения со стороны других индивидов. Система, порождающая такие результаты, базируется на суверенитете потребителя в том смысле, что в рамках определенных условий предложение ведет к максимизации функции полезности индивидов и, тем самым, общественного благосостояния. Бергсон и Пол Самуэльсон «правдоподобно» показали, что существует ряд эффективных по Парето функций общественного благосостояния,

---

²⁰ Мергу (2004). Мерри акцентирует внимание на таких проблемах, как демографический кризис, изменение социальной структуры, эрозия человеческого капитала, кризис системы образования и здравоохранения в России – проблемах, о которых умалчивают Шлейфер и Трейсман.

которые позволяют индивидам при желании задействовать государство с целью производства общественных благ и перераспределения дохода и богатства. В рамках простейших из этих функций общественного благосостояния трансфертные платежи устанавливаются демократическим путем.²¹

Как всем известно, Кеннет Эрроу продемонстрировал, что выборные представители, действующие от лица многих индивидов, не могут обеспечить оптимальность по Парето, в отличие от индивидов, участвующих в рыночном обмене. По этой причине суверенитет потребителя не является идеалом, как многие на то надеялись, а сама концепция подвергается атакам со стороны лиц, не имеющих отношения к экономической науке, – постмодернистов, которые считают ее невосприимчивой к прогрессивным особым интересам и правам и называют фиговым листком для «капиталистического» гнета. Однако еще Бергсон утверждал, что демократический способ принятия государственных программ выборными представителями не является наилучшим. Так что свободное предпринимательство, по-видимому, является более предпочтительным вариантом принятия решений.

Это критерий, который использовали советологи для оценки достоинств Советского Союза, и с точки зрения западных идей он является наилучшим показателем «нормальности». Он не позволяет объединять в единое целое порочность и нормальность и искажать логику с тем, чтобы прийти к выводу, что все нормальное – хорошо.

Критерий Парето–Бергсона–Эрроу позволяет легко развеять софистику Шлейфера и Трейсмана. Страна, в которой, как утверждает Явлинский, отсутствуют независимая судебная система, независимый парламент, парламентский контроль за спецслужбами, независимые средства массовой информации, имеющие важное политическое значение, а общественный сектор управляется государством, не может быть демократической, вне зависимости от того, насколько она соответствует нормам стран СНГ. Аналогичным образом, страна, в которой автократ создает экономических субъектов и манипулирует ими в собственных интересах, прикрываясь возвышенными общественными целями, не мо-

---

²¹ Функции общественного благосостояния Бергсона определяются с точки зрения морально-этических воззрений отдельных индивидов, которые устанавливают веса, присваиваемые значениям функции полезности каждого индивида. Несмотря на то что предпочтение может быть отдано ситуациям, не являющимся эффективными по Парето, функции общественного благосостояния Бергсона не предполагают осуществления сделок в принудительном порядке. Однако если некоторые индивиды обладают властью, они могут установить трансфертные платежи с тем, чтобы максимизировать общественное благосостояние в рамках данного ограничения. В то же время Бергсон выступал за ограничение дискреционных полномочий данных индивидов, утверждая, что необходимость осуществления трансфертных платежей должна определяться демократическим путем. Достоинством данного правила является простота, однако во многих случаях оно уступает другим вариантам с точки зрения справедливости.

жет быть эффективной и базироваться на суверенитете потребителя. Результаты неизбежно будут неэффективными по Парето, даже если недостоверные данные об экономическом росте в России указывают на обратное.

Кроме того, о критерии Парето–Бергсона–Эрроу полезно помнить, размышляя о будущем. По причинам, очевидным для любого теоретика-неоклассика, эффективное по Парето, базирующееся на суверенитете потребителя и демократическом принятии решений свободное развитие предпринимательства должно быть более предпочтительным с точки зрения общественного благосостояния по сравнению с авторитарными режимами. Теория говорит, что чисто плановые или смешанные системы также могут приводить к оптимальным по Парето результатам, но опыт Советского Союза продемонстрировал, что достижение удовлетворительных результатов маловероятно. Поскольку идеальной либеральной экономики не существует, данное предположение звучит неубедительно. Тем не менее непозволительно утверждать, как это делают Шлейфер и Трейсмэн, что в будущем Россия будет следовать конструктивной траектории развития «нормальных» демократических стран с рыночной экономикой и средним уровнем дохода на душу населения, поскольку Россия не входит в эту группу стран. Россия – это не Мексика или Аргентина.²² Кремль, следуя своим особым, «унаследованным», курсом извлечения ренты, безуспешно пытается идти в ногу с Западом в течение более половины тысячелетия, не отказываясь при этом от русского брэнда авторитаризма. Вплоть до сегодняшнего времени какие-либо признаки фундаментальных изменений отсутствуют, несмотря на возврат России к регулируемому рынку, существовавшему до создания Советского Союза.

Россия имеет все недостатки, которые отрицают Шлейфер и Трейсмэн, и часть вины за это лежит на Шлейфере. Это – ненормальная страна, которой управляют непредсказуемые силы, существенно отличающиеся от таковых в Мексике и Аргентине. Все экономические системы, являющиеся неэффективными по Парето, отличаются друг от друга; некоторые, такие как в России, в большей степени способствуют снижению общественного благосостояния, чем другие. Данное утверждение можно легко проверить, используя критерий Парето–Бергсона–Эрроу, а не тактику Шлейфера и Трейсмана нормализации ненормального. Их попытка скрыть свои прегрешения и получить похвалу за провал не имеет значения сама по себе, однако служит поучительным примером того, как некоторые лица, ответственные за проведение экономической политики,

---

²² Страны Большой семерки поручили Международному валютному фонду и Всемирному банку, недавние попытки которых преодолеть долговой кризис в странах Латинской Америки закончились неудачей, оказать помощь России в осуществлении «трансформации». В то время эксперты данных организаций по странам Латинской Америки быстро убедили других в том, что экономические системы России и Мексики, по сути, одинаковы.

искажают факты путем использования нечетких критериев и манипуляции данными.²³

ЛИТЕРАТУРА

Гаравский А. (2004) Новая разработка оружейников России делает неэффективной любую систему противоракетной обороны, *Красная звезда*, 25 февраля, 1.

Госкомстат России (1995) *Российская Федерация: Доклад о национальных счетах*, Москва, Госкомстат России.

Малый М. (2003) *Как сделать Россию нормальной страной?* Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин.

Arrow, K. (1963) *Social Choice and Individual Values*, New York, Wiley.

Arrow, K. (1981) Optimal and Voluntary Income Distribution, S. Rosefielde (ed.), *Economic Welfare and the Economics of Soviet Socialism*, Cambridge, Cambridge University Press, 67–88.

Aslund, A. (1995) *How Russia Became a Market Economy*, Washington, Brookings Institution. (Рус. перев. – Ослунд А. (1996) *Россия: рождение рыночной экономики*, Москва, Республика. – Здесь и далее – прим. перев.)

Aslund, A. (1997) Russia Gets on Track to Be a Normal Country, *International Herald Tribune*, March 19, 8.

Badkhen, A. (2004) Democracy on the Brink: Russia Back on Track of Absolute Rule, *Johnson's Russia List*, 8109, March 10.

Bergson, A. (1938) A Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics, *Quarterly Journal of Economics*, 52, 1, February, 310–334.

Bergson, A. (1948) Socialist Economics, H. Ellis (ed.), *A Survey of Contemporary Economics*, Illinois, Richard D. Irwin, Homewood, 412–448.

Bergson, A. (1954) The Concept of Social Welfare, *Quarterly Journal of Economics*, 68, 2, May, 233–252.

Bergson, A. (1966) *Essays in Normative Economics*, Cambridge, Harvard University Press.

Bergson, A. (1967) Market Socialism Revisited, *Journal of Political Economy*, 75, 4, October, 655–673.

Bergson, A. (1976) Social Choice and Welfare Economics under Representative Government, *Journal of Public Economics*, 6, 3, October, 171–190.

Berkowitz, D., Berliner, J., Gregory, P., Linz, S., and Millar, J. (1993) An Evaluation of the CIA's Analysis of Soviet Economic Performance, 1970–1990, *Comparative Economic Studies*, 35, 2, Summer, 33–48.

Blanchard, O., Boyko, M., Dabrowski, M., Dornbusch, R., Layard, R., and Shleifer, A. (1993) *Post-Communist Reform: Pain and Progress*, Cambridge, MIT Press.

---

²³ Безусловно, лица, ответственные за проведение политики, были не единственными, кто преднамеренно приукрашивал положение дел в России. Например, в сентябре 1933 г. репортер газеты «New York Times» Уолтер Дюранти сознательно поставил перед собой задачу «дискредитации» того, что он называл «кампанией по борьбе с мнимым голодом». См. Patenaude (2004). См. также Engerman (2003); Rosefielde (2003). Значительная часть «ревизионистской» политологической литературы, в особенности по внешней политике, была столь же тенденциозной, изображая Советский Союз как нормальную (добродетельную) страну.

Blank, S. (2004) *Is Russia a Democracy and Does It Matter?* unpublished manuscript.

Blasi, J., Krumova, M., Kruse, D., and Shleifer, A. (1997) *Kremlin Capitalism: The Privatization of the Russian Economy*, Ithaca, Cornell University Press.

Bombardieri, M. (2004) Harvard Professor, Employee Liable in Fraud Case. But USD 102 Million Claim against University Fails, *Johnson's Russia List*, 8274, June 29.

Boone, P., Gomulka, S., and Layard, R. (eds) (1998) *Emerging from Communism*, Cambridge, MIT Press.

Chernov, M. (2004) West against Russia, *Johnson's Russia List*, 8114, March 13.

CIA (1992) *Handbook of International Economic Statistics*, September, Washington, Central Intelligence Agency.

Dolan, E. (2004a) Normal or Not, *Johnson's Russia List*, 8087, February 26.

Dolan, E. (2004b) Wolpin/Normality and Inequality/8087, *Johnson's Russia List*, 8089, February 27.

Engerman, D. (2003) *Modernization from the Other Shore*, Cambridge, Harvard University Press.

Fak, A. (2004) Standard & Poor's Issues Authoritarianism Warning, *Johnson's Russia List*, 8108, March 10.

Firth, N., Noren, J. (1998) *Soviet Defense Spending: A History of CIA Estimates, 1950–1990*, College Station, Texas A & M University.

Fischer, S., Sahay, R. (2004) Transition Economies: The Role of Institutional and Initial Conditions, *Festschrift in Honor of Guillermo A. Calvo*, April 15–16.

Gaddy, C., Ickes, B. (2002) *Russia's Virtual Economy*, Washington, Brookings Institutions.

GAO (1996) *Foreign Assistance: Harvard Institute for International Development's Work in Russia and the Ukraine*, Washington, General Accounting Office.

Gellis, D.H. (2002a) Harvard in Settlement Talks with Forum, *Harvard Crimson*, October 30.

Gellis, D.H. (2002b) Harvard Settles with Mutual Funds Company over Fraud Allegations, *Associated Press*, November 8.

Huntington, S. (1996) The West: Unique, Not Universal, *Foreign Affairs*, 75, 6, November/December, 28–46.

Kuboniwa, M., Gavrilencov, E. (1997) *Development of Capitalism in Russia: The Second Challenge*, Tokyo, Maruzen.

Maly, M. (2003) *Russia as It Is: Transformation of a Lose/Lose Society*, Bangor, Booklocker.com.

Maly, M. (2004) My Comment on a Normal Country by Andrei Shleifer and Daniel Treisman, *Johnson's Russia List*, 8081, February 23.

Merry, W. (2004) A Normal Country, *Johnson's Russia List*, 8087, February 26.

Montefiore, S. (2004a) Book Review of Stalin and His Hangmen: An Authoritative Portrait of a Tyrant and Those Who Served Him, Viking, 2004, *Johnson's Russia List*, 8114, March 13.

Montefiore, S. (2004b) Democratic Despot, *New York Times*, March 14.

Ostrovsky, A. (2004) Is Russian Democracy Becoming an Illusion, *Johnson's Russia List*, 8042, January 31.

Patenaude, B. (2004) Omelets, Eggs, and Eggheads, *Johnson's Russia List*, 8083, February 24.

- Rosefielde, S. (1998) *Efficiency and Russia's Economic Recovery Potential to the Year 2000 and beyond*, Aldershot, Ashgate.
- Rosefielde, S. (2000) The Civilian Labor Force and Unemployment in the Russian Federation, *Europe-Asia Studies*, 52, 8, 1433–1447.
- Rosefielde, S. (2001) Premature Deaths: Russia's Radical Economic Transition in Soviet Perspective, *Europe-Asia Studies*, 53, 8, 1159–1176.
- Rosefielde, S. (2003) The Riddle of Post Russian Economic Growth: Statistics Lied and Were Misconstrued, *Europe-Asia Studies*, 53, 3, 469–481.
- Rosefielde, S. (2004) Postwar Russian Economic Growth: Not a Riddle – A Reply, *Europe-Asia Studies*, 56, 3, May, 463–466.
- Rosefielde, S. (2005) *Russia in the 21st Century: Prodigal Superpower*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Rosefielde, S., Vennikova, N. (2004) Fiscal Federalism in Russia: A Critique of the OECD Proposals, *Cambridge Journal of Economics*, 28, 2, 307–318.
- Rutherford, D. (2000) *Routledge Dictionary of Economics*, London, Routledge.
- Sachs, J.D., Aslund, A., Dabrowski, M., Reddaway, P., Aristov, I., Merry, W., Hudson, M., Ellerman, D., and Rosefielde, S. (2000) Tainted Transactions: An Exchange. Response to Janine Wedel and Wedel's Reply, *National Interest*, 60, Summer, 98–110.
- Samuelson, P. (1977) Reaffirming the Existence of a 'Reasonable' Bergson–Samuelson Social Welfare Function, *Economica*, 44, 81–88.
- Samuelson, P. (1981) Bergsonian Welfare Economics, S. Rosefielde (ed.), *Economic Welfare and the Economics of Soviet Socialism*, Cambridge, Cambridge University Press, 223–266.
- Shlapentokh, V. (1996) Contemporary Russia: The Best Parallel to It – Feudal Europe, *Europe-Asia Studies*, Spring.
- Shlapentokh, V. (1997a) Bonjour Stagnation: Russia's Next Years, *Europe-Asia Studies*, 49, 5.
- Shlapentokh, V. (1997b) 'Normal' Russia, *Current History*, 212, October.
- Shlapentokh, V. (2004) Shleifer and Treisman's Economic Comparisons Are Wrong, *Johnson's Russia List*, 8091, February 28.
- Shleifer, A., Treisman, D. (2000) *Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*, Cambridge, MIT Press.
- Shleifer, A., Treisman, D. (2004) A Normal Country, *Foreign Affairs*, 84, 2, March/April, 20–38. (Рус. перев. – Шлейфер А., Трейсман Д. (2004) Нормальная страна, *ЭКОНОМИКА*, 4, 1, 44–78.)
- Shleifer, A., Vishny, R. (2000) *The Grabbing Hand: Government Pathologies and Their Cures*, Cambridge, MIT Press.
- Stiglitz, J. (2002) Rewriting History, *Johnson's Russia List*, 6578, November 29.
- Tenet, G. (2004) *The Worldwide Threat 2004: Challenges in a Changing Global Context*, testimony before the Senate Select Committee on Intelligence, February 24, Washington.
- United Nations (2003) *Economic Survey of Europe*, 1, New York, United Nations.
- Wedel, J. (1998) *Collision and Collusion: The Strange Case of Aid to Eastern Europe 1989–1998*, New York, St. Martin's Press.
- Wedel, J. (2000a) Tainted Transactions: An Exchange, *National Interest*, Spring, 23–35.
- Wedel, J. (2000b) Tainted Transactions: Replies, *National Interest*, 60, Summer, 98–110.

Wedel, J. (2001) *Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe*, New York, Palgrave.

Williamson, J. (1989) What Washington Means by Policy Reform, J. Williamson (ed.), *Latin American Adjustment: How Much Has Happened?* Washington, Institute for International Economics, 5–38.

Williamson, J. (1993) Democracy and the ‘Washington Consensus’, *World Development*, 21, 8, 1329–1336.

Williamson, J. (2002) Did the Washington Consensus Fail? Outline of Remarks at the Center for Strategic and International Studies, *World Development*, November 6, <http://www.iie.com/publications/papers/wilamson1102.htm>.

Yavlinsky, G. (2004) Russia: Before and after the Elections, *Johnson’s Russia List*, 8107, March 10.